

BADMATSYRENOV Timur Batorovich, *Dr.Sci. (Soc.), Associate Professor; Head of the Chair of Political Science and Sociology, Dorzhi Banzarov Buryat State University (24a Smolina St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670000; batorovitch@mail.ru)*

OCHIRTAROVA Natalia Nikolaevna, *postgraduate student of the Chair of Political Science and Sociology, Senior Lecturer at the Chair of Management, Dorzhi Banzarov Buryat State University (24a Smolina St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670000; ochirtarova95@mail.ru)*

DORJIEVA Irina Cyдырjаровна, *Cand.Sci. (Soc.), Associate Professor; Head of the Research Department, Dorzhi Banzarov Buryat State University (24a Smolina St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670000; dorjira@mail.ru)*

INSTITUTIONAL ENVIRONMENT OF AN EDUCATIONAL ORGANIZATION: COMPONENTS AND THEIR INTERACTION

Abstract. *In the face of contemporary challenges facing Russian society, the problem of the effectiveness of the education system is becoming more and more relevant. The processes of transformation of education and often not quite consistent testing of various models of its reform lead to many negative effects that affect the development of various social subsystems. One of the key contradictions that have caused the difficult situation of contemporary Russian education is the imperfection of the institutional environment of educational organizations, in which a complex set of regulatory, managerial, sociocultural and other problems is formed. To solve them, it is necessary to build models for optimizing the institutional environment, based on a number of theoretical approaches, the most developed among which is the neo-institutional theory. The aim of this paper is to explore the main components of the institutional environment of educational organizations as a set of normative regulators of social interactions between participants in the educational process.*

Keywords: *institute, social institution, institutional environment of educational organization*

ПАРМА Роман Васильевич — кандидат политических наук, доцент департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский пр-кт, 49; rvparma@mail.ru)

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ НЕДОВОЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. *В статье представлены результаты прикладного исследования социального недовольства в современном российском обществе. Автор предлагает теоретические рамки изучения недовольства как социологического феномена, подкрепленные данными, полученными в ходе реализации массового онлайн-опроса россиян, а также сопоставления их с рядом авторитетных исследований общественного мнения. В статье рассмотрены различные факторы, определяющие уровень социального недовольства россиян. По мнению автора, феномен недовольства является многосоставным и имеет несколько измерений: персональное, социально-экономическое и гражданско-политическое, что подтверждается обусловленностью социального недовольства комплексом причин. Результаты демонстрируют соответствие данных исследований в части измерения социального недовольства российского общества, а также четкую взаимосвязь с уровнем его протестного потенциала.*

Ключевые слова: *социальное недовольство, протестные настроения, относительная депривация, общественное мнение, политическая мобилизация*

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету.

Теоретические рамки исследования. Феномен социального недовольства в разное время рассматривали многие ученые и исследователи. Можно выделить несколько ключевых теоретических концепций, предлагающих свой взгляд на природу и содержание социального недовольства. Согласно концепции коллективного поведения, возникшей в начале XX в., общественные изменения являются последствиями скорее спонтанных событий, чем воздействия социальных структур. Общественные движения формируются при взаимодействии между индивидами, движимыми деструктивными инстинктами и примитивными убеждениями в обстановке нарастающего социального недовольства [Лебон 2011]. С другой стороны, социальные изменения часто приводят к напряжению в общественных отношениях, когда устоявшийся порядок не обеспечивает растущие потребности, а возникающие ценности вступают в противоречие с существующими правилами. Согласно Н. Смелзеру, напряжение в обществе обусловлено факторами социальной структуры, деформация которых подталкивает испытывающих лишения людей к активным действиям. При ослаблении социального контроля в условиях расширения настроений недовольства общественные действия приобретают характер протеста [Smelser 1962].

В концепции относительной депривации социальное недовольство формируется на основании притязаний индивидов, когда возникают несоответствия между действительным и желаемым положением. Настроение недовольства диктуется общественным неравенством, которое вызывает чувство лишения, несправедливости и неоправдавшихся ожиданий. Сильное социальное недовольство в обществе толкает людей к бунту, к активным политическим действиям. Согласно гипотезе *J*-кривой Дэвиса, революционные восстания происходят, когда за длительным периодом экономического роста следует резкий спад. В результате происходит снижение удовлетворенности при сформированном ожидании улучшения благосостояния. Стремительный разрыв между ожиданиями и удовлетворенностью порождает сильное недовольство, которое может приводить к революциям [Davies 1962]. Вместе с тем, как полагает Т. Гурр, люди восстают не только в условиях ухудшения благосостояния, но и в ситуации не оправдавшихся завышенных ожиданий. Относительная депривация возникает в случаях несоответствия между существующим и должным. Значительные разрывы между общественными ожиданиями и возможностями создает условия для социального недовольства, способного привести к социальным беспорядкам [Гарр 2005].

При этом представления о благосостоянии и ожидания слабо связаны с их объективным положением. Субъективные чувства удовлетворенности связаны со сравнениями людей между собой. У. Рансимен определил следующие необходимые условия относительной депривации: 1) у человека чего-то нет; 2) этот человек знает других людей, у которых есть это; 3) этот человек хочет иметь это; 4) этот человек считает, что у него есть разумный шанс получить это [Runciman 1967]. Возникающее чувство обиды из-за своего низкого социального положения способствует формированию общественного недовольства, которое при определенных условиях преобразуется в протест [Klandermans 1997]. В контексте экономического кризиса депривация усиливается, что способствует расширению недовольства, которое оказывает неоднозначное воздействие на

политическое участие и мобилизацию протестных настроений в различных социальных группах [Grasso, Giugni 2016]. Положения концепции депривации были со временем оспорены. Оппоненты отмечали, что в ситуации, когда недовольство было повсеместным, большинство людей не участвовали в протестных действиях, поэтому другие факторы явно должны быть более важными для объяснения того, почему одни люди участвуют, а другие нет.

В качестве возможных объяснений выступили концепция мобилизации ресурсов [McCarthy, Zald 1977] и концепция политических возможностей общественных движений [McAdam 1999]. Концепция мобилизации ресурсов исходит из рациональных действий индивидов, стремящихся к собственной выгоде в условиях дезорганизации порядка и социального напряжения. Возникновение движения зависит от объединения ресурсов инициаторами и организаторами, которые используют их для превращения провоцируемого недовольства в организованное политическое давление на власть. Действия населения, направляемые общественным движением, с большей вероятностью создают организованные формы протеста, облегчая мобилизацию необходимых ресурсов. Концепция политических возможностей заключается в процессе общественных изменений, которые предоставляют шансы для мобилизации социального недовольства. Согласно современной концепции власти коммуникаций М. Кастельса, в современном мире социальные медиа стали «сетями гнева и надежды», эмоционально заряжая и мобилизуя массы недовольных людей на протестные действия. Делясь эмоциями в свободном публичном пространстве Интернета, связываясь друг с другом, люди формировали сети независимо от их личных пристрастий или организационных привязанностей [Castells 2012].

Содержание устоявшегося понятия недовольства состоит в отрицательном отношении, иными словами – в отсутствии удовлетворенности. Социальное недовольство охватывает сообщества людей, дифференцируемые по определенному признаку. Исходя из теории рационального выбора, А.В. Резаев считает определение недовольства как эффекта несоответствия между ожиданиями и результатами непродуктивным [Резаев, Лисицын, Степанов 2014]. Операционализация понятия «недовольство» возможна на концепциях, построенных на основании внешних факторов и повседневных практик. В методологии анализа социального недовольства исходят из теории социологии общения. Ее концептуальные основания позволяют рассматривать повседневное взаимодействие как механизм, динамику и условия производства недовольства. Исследователь предлагает для рассмотрения социального недовольства использовать концепцию ритуалов И. Гофмана, получившую развитие в трудах Р. Коллинза [Collins 2004]. Недовольство понимается как сумма ритуалов взаимодействия, которые формируют общие представления и увеличивают эмоциональную энергию среди индивидов социальной группы. В целом недовольство определяется как длительное эмоциональное состояние, которое производится и воспроизводится посредством череды ритуалов взаимодействия.

В исследованиях настроений российского общества Ю.А. Левада отмечает выраженный парадокс между проявлениями недовольства и терпения. Специфика недовольства российских граждан видится им в том, что наиболее распространенный и наименее определенный вид социальных настроений «направлен на все – от собственного положения до положения страны и политики ее руководителей и прочего – в то же время практически не направлен никуда: это некое довольно устойчивое состояние общественного мнения,

некий общий фон для всех его параметров и колебаний». Такая особенность недовольства объясняется «массовой реакцией на нескончаемую череду испытаний, лишений, тягот, которые приходится испытывать человеку в российском обществе на протяжении практически всей досоветской, советской и нынешней, постсоветской истории – безусловное преобладание терпения над активным протестом, приспособления над бунтом, пассивного недовольства над борьбой за свои права» [Левада 1999].

По оценке Ю.М. Баскаковой, положение о социальном недовольстве является одним из наиболее тиражируемых и распространенных в современном дискурсе, когда речь идет об оценке политической ситуации в стране [Баскакова 2013]. Согласно этой позиции, для выявления уровня социального недовольства наиболее применимыми являются показатели общественного восприятия состояния и направления движения государства. Причем наибольшую ценность представляет понимание динамики данных процессов. На основании анализа социологических данных исследователь приходит к выводу насчет общественной пассивности российских граждан, которая проявляется в слабой связи между уровнем социального недовольства и политическими действиями, когда накопленное недовольство не находит политического выражения. Несмотря на высокий уровень «нагрева» общества, социальный контроль сдерживает латентное недовольство от преобразования в открытый протест. В целом, приведенные концептуальные положения позволяют утверждать, что феномен социального недовольства представляется необходимым условием для протестных действий и изменений общественно-политического порядка. Теоретические основания исследования социального недовольства содержат две ключевые интенции, которые сводятся к текущему процессу общественных изменений и управляемому конструированию социального порядка.

Методика исследования. В современных исследованиях выделяются прежде всего социологические, статистические и медийные методы измерения уровня социального недовольства. В социологических исследованиях для анализа социального недовольства используются прежде всего опросы общественного мнения, фокус-группы и глубинные интервью. В исследованиях медиа и текстов чаще всего прибегают к методам контент- и дискурс-анализа, когнитивному картированию содержания сообщений, выявляя по ключевым словам-маркерам и смысловым единицам выраженность социального недовольства. Статистические наблюдения социального недовольства состоят в анализе динамики показателей доходов населения, уровня безработицы, числа забастовок, объема инвестиций и др. Однако при всем разнообразии исследований общественных настроений арсенал социологических методов сохраняет преобладающее значение.

Результаты данного исследования получены на основании всероссийского онлайн-опроса российских граждан в возрасте от 15 лет и старше. Выборка, репрезентирующая население по полу, возрасту и территории проживания, составила 1 600 респондентов. Опрос был проведен в феврале 2022 г. Для сопоставления полученных результатов были использованы данные регулярных исследований ВЦИОМа как крупнейшей отечественной организации в сфере изучения общественного мнения.

Результаты и выводы. По результатам исследования можно утверждать, что существуют как минимум три динамических измерения социального недовольства, являющихся одновременно его составными элементами: личное (персональное), социально-экономическое, политическое (гражданское).

Соответственно, исследование социального недовольства, равно как и реализация мониторинга актуального уровня недовольства в обществе, возможно при одновременном рассмотрении различных показателей в каждом из указанных измерений. В настоящей работе предлагается использовать весьма распространенный в прикладных социологических исследованиях показатель уровня удовлетворенности теми или иными жизненными обстоятельствами: общим положением дел, текущим состоянием политических и гражданских процессов, материальным благополучием и др.

Результаты массового онлайн-опроса россиян демонстрируют четкую дифференциацию между удовлетворенными текущим положением дел в своей жизни в той или иной степени (50,6%) и неудовлетворенными (39,7%). При этом уровень персональной удовлетворенности определяется скорее микросоциальными, чем макросоциальными критериями (см. рис. 1). Особенности политической модальности россиян не оказывают существенного влияния на степень их личной удовлетворенности. В разрезе социально-демографических характеристик опрошенных не выявлены значимые гендерные различия, однако сильны межпоколенческие. Молодежь демонстрирует большую удовлетворенность собственной жизнью в текущий момент, чем старшие поколения (в той или иной степени удовлетворены молодежь 20 лет – 75,2%; от 20 до 24 лет – 68,5%; от 25 до 29 – 63,8%). Кроме того, фактором личной удовлетворенности можно считать уровень образования – люди с высшим образованием гораздо чаще демонстрируют удовлетворенность (54,1%), чем люди без такового (44,1%). Указанные результаты подтверждают преимущественно микросоциальный характер личной удовлетворенности и наличие комплекса субъективных факторов, определяющих социальное самочувствие. Несмотря на различия в методике опроса, полученные данные подтверждаются результатами регулярных замеров ВЦИОМа¹.

Рисунок 1. Уровень удовлетворенности российских граждан настоящим положением дел в личной жизни, в %

Несколько иную картину формирует выявленный уровень удовлетворенности россиян настоящим положением дел в стране. Общая дифференциация

¹ Индексы социального самочувствия. – ВЦИОМ. Доступ: <https://wciom.ru/ratings/indeksu-socialnogo-samochuvstviya> (проверено 29.07.2022).

граждан по данному вопросу становится еще более выраженной: 59,9% граждан не довольны в той или иной степени, 29,0% высказывают противоположную позицию. Наибольшую роль в определении степени политической удовлетворенности играют макросоциальные факторы, что подтверждается различиями в результатах среди заранее выделенных сегментов: 44,2% – лояльные, 22,7% – нейтральные, 10,6% – оппозиционные. Изменяется при этом и тенденция к большей удовлетворенности среди молодежи – наиболее удовлетворенными политической ситуацией стали респонденты моложе 20 лет (32,4%) и старше 50 лет (30,8%). Возрастные группы в диапазоне 25–39 лет формируют своеобразную «яму неудовлетворенности», наиболее критически оценивая политическую обстановку в стране. Выявленные различия между уровнем персональной и политической удовлетворенности россиян также подтверждаются данными ВЦИОМа¹. При оценке различий между ключевыми социальными и политическими индикаторами, отобранными социологами за аналогичный период, обнаружена тенденция обратной пропорциональности.

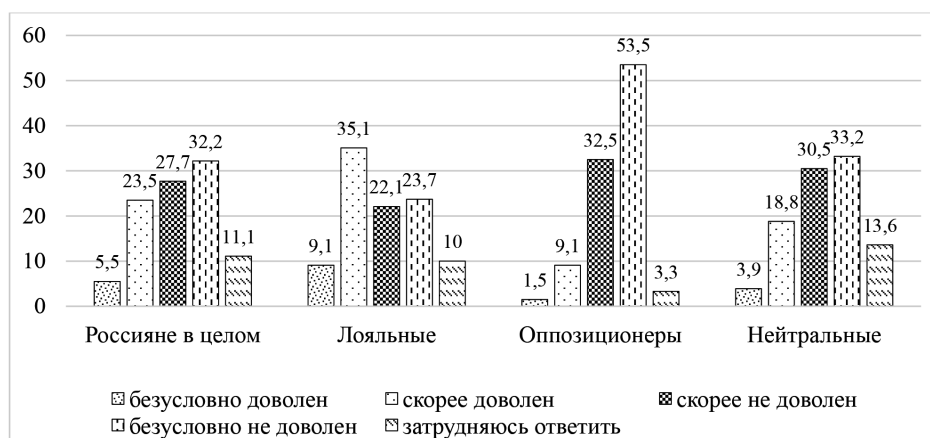

Рисунок 2. Уровень удовлетворенности российских граждан настоящим положением дел в стране, в %

Еще одним измерением социального недовольства является уровень экономической удовлетворенности, включающий, как правило, качество жизни, доступ к социальным благам, наличие достаточных ресурсов для обеспечения комфортной жизни. Снижение материального достатка резко снижает общий уровень удовлетворенности как личной жизнью, так и ситуацией в стране. В ходе исследования обнаружено, что наибольший уровень неудовлетворенности по обоим направлениям высказывают опрошенные, декларирующие значительное снижение уровня материального положения в течение последнего года. Примечательно, что россияне высказывают схожий перечень проблем, в наибольшей степени волнующих их как в личной жизни, так и в стране в целом. Набор проблем имеет преимущественно социально-экономическую природу: рост цен (35,5% – в жизни, 29,7% – в стране), бедность населения (16,4% – в жизни, 35,2% – в стране), обнищание социально незащищенных слоев насе-

¹ Индексы социальных оценок. – ВЦИОМ. Доступ: <https://wciom.ru/ratings/indeksy-socialnykh-ocenok> (проверено 29.07.2022).

ния (11,4% – в жизни, 35,2% – в стране), рост безработицы (13,6% – в жизни, 15,2% – в стране), коррупция (16,6% – в жизни, 35,2% – в стране), резкое расщепление на богатых и бедных (13,1% – в жизни, 18,1 – в стране), недоступность качественного здравоохранения (27,8% – в жизни, 19,2% – в стране).

Несмотря на явные индивидуалистические позиции, было бы ошибочным полагать, что явления политической жизни не являются значимыми для удовлетворенности российских граждан. В частности, состояние защиты прав граждан волнует 10,5% россиян при оценке положения личной жизни, 10,8% – при оценке положения в стране. Кроме того, неудовлетворенность состоянием политических прав остается весьма высокой среди всех россиян (в среднем 64,8%) и затрагивает не только оппозиционный, но и весьма широкий нейтральный сегмент населения, и даже значимую часть лояльных граждан.

Таким образом, можно утверждать, что уровень удовлетворенности населения собственной жизнью и общим положением дел в стране является базовым показателем для определения социального недовольства. Измерение недовольства в российском обществе должно исходить из сложности и многоставности данного явления. В частности, регулярные опросы ВЦИОМа доказывают, что протестный потенциал общества усиливается при достижении пиковых значений неудовлетворенности по всем ключевым показателям (личная жизнь, социальное самочувствие, материальный достаток, политическая устойчивость)¹. Иными словами, недовольство в обществе зарождается достаточно динамично на пересечении всех его измерений, формируя в дальнейшем риски протестной активности.

Список литературы

Баскакова Ю.М. 2013. Недовольные и несогласные: социальное недовольство и его масштабы (Часть I). – *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 2(114). С. 24-32.

Гарр Т. 2005. *Почему люди бунтуют*. СПб: Питер. 464 с.

Лебон Г. 2011. *Психология народов и масс*. М.: Академический проект. 238 с.

Левада Ю.А. 1999. Человек недовольный: протест и терпение. – *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 6. С. 7-13.

Резаев А.В., Лисицын П.П., Степанов А.М. 2014. Частичное сопричастие как элемент поддержания коллективного недовольства. – *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. № 2. С. 186-195.

Castells M. 2012. *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Cambridge: Polity Press. 346 p.

Collins R. 2004. *Interaction Ritual Chains*. Princeton: Princeton University Press. 464 p.

Davies J.C. 1962. Toward a Theory of Revolution. – *American Sociological Review*. Vol. 27. No. 1. P. 5-19.

Grasso M., Giugni M. 2016. Protest Participation and Economic Crisis: The Conditioning Role of Political Opportunities. – *European Journal of Political Research*. Vol. 55. No. 4. P. 663-680.

Klandermans P. 1997. *The Social Psychology of Protest*. Hoboken: Wiley-Blackwell. 272 p.

¹ Протестный потенциал. – ВЦИОМ. Доступ: <https://wciom.ru/ratings/prottestnyi-potencial> (проверено 29.07.2022).

McAdam D. 1999. *Political Process and the Development of Black Insurgency, 1930–1970*. Chicago: University of Chicago Press. 346 p.

McCarthy J.D., Zald M.N. 1977. Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory. – *American Journal of Sociology*. Vol. 82. No. 6. P. 1212-1241.

Runciman W.G. 1967. Relative Deprivation and Social Justice: A Study of Attitudes to Social Inequality in Twentieth-century England. – *American Sociological Review*. Vol. 73. No. 1. P. 127-128.

Smelser N. 1962. *Theory of Collective Behavior*. N.Y.: Free Press. 452 p.

PARMA Roman Vasilevich, Cand.Sci. (Pol.Sci.), Associate Professor of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, GSP-3, Moscow, Russia, 125993; ryparma@mail.ru)

SOCIOLOGICAL DIMENSION OF DISCONTENT IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Abstract. The article presents the results of an applied study of social discontent in modern Russian society. The author proposes a theoretical framework for studying discontent as a sociological phenomenon, supported by data obtained during the implementation of a mass online survey of Russians, as well as comparing them with a number of authoritative studies of public opinion. The article considers various factors that determine the level of social discontent among Russians. According to the author, the phenomenon of discontent is multicomponent and has several dimensions: personal, socio-economic and civil-political ones, which is confirmed by the conditionality of social discontent by a complex of reasons. The results demonstrate the consistency of the research data in terms of measuring the social discontent of the Russian society, as well as a clear relationship with the level of its protest potential.

Keywords: social discontent, protest moods, relative deprivation, public opinion, political mobilization